

УДК 811.112.2'36

ОТРАЖЕННАЯ МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Л.Б. Волкова

Аннотация

Рассматривается парадигматическая значимость императива на морфологическом уровне и функционирование отраженной морфологической категории волеизъявления в составе синтаксических форм категории цели высказывания современного немецкого языка.

Проблема взаимодействия уровней системы языка всегда привлекала к себе внимание исследователей. В настоящей работе рассматривается взаимодействие единиц морфологического и синтаксического уровней на материале категории цели высказывания современного немецкого языка.

Согласно концепции О.И. Москальской, разработанной на материале немецкого языка, парадигма предложения понимается как закрытая система синтаксических форм, взаимно противопоставленных по признакам цели высказывания, утвердительности/отрицательности, модальности. Данные оппозиции лежат в основе трех соответствующих синтаксических категорий, одна из которых – категория цели высказывания. Основной оппозицией, определяющей всю парадигму предложения, является оппозиция «повествование/вопрос/побуждение», находящаяся на вершине его парадигматической организации. [1, с. 105]. Таким образом, категория цели высказывания образуется противопоставлением трех синтаксических категориальных форм: повествовательное, вопросительное (включая предложения с вопросительным словом) и побудительное предложение. Восклицательное предложение не выделяется в особый коммуникативный тип, поскольку не обладает самостоятельной синтаксической формой: восклицательными могут быть предложения любого коммуникативного типа.

Синтаксические формы категории цели высказывания образуются в современном немецком языке с помощью средств разных уровней:

- синтаксического (порядок слов, состав предложения),
- просодического (интонация),
- морфологического (форма глагола-сказуемого),
- лексического (вопросительное слово в вопросительных предложениях).

Но не все эти средства участвуют в создании синтаксических форм данной категории в равной степени.

Порядок слов – средство, обязательное для всех категориальных форм цели высказывания, оно используется при любой форме лица глагола-сказуемого. Постановка спрягаемого глагола на второе место в предложении характерна для повествовательных структур; постановка спрягаемого глагола на первое место в предложении – для побудительных структур и вопросительных без вопросительного слова:

Wir gehen weg. Gehen wir weg! Gehen wir weg?

Состав предложения не всегда участвует в оформлении категории цели высказывания. Односоставность – признак побудительных предложений со сказуемым в форме второго лица единственного и множественного числа, по которому они противопоставлены непобудительным предложениям:

Geh weg! / Du gehst weg. Gehst du weg? Geht weg! / Ihr geht weg. Geht ihr weg?

Что же касается интонации, то она, бесспорно, является важным средством оформления категории цели высказывания в современном немецком языке, и ее роль особенно возрастает, когда другие языковые средства выражают это значение недостаточно четко. С другой стороны, при наличии грамматического средства, однозначно выражающего значение цели высказывания, например, формы императива второго лица единственного числа, интонация побуждения факультативна. Правильным представляется мнение О.А. Норк о том, что интонация не принадлежит к числу обязательных средств создания форм категории цели высказывания [2, с. 297].

Морфологические средства (формы глагола-сказуемого) используются для создания синтаксических форм цели высказывания во втором лице единственного числа. Форма императива четко противопоставлена форме презенса индикатива благодаря наличию специальных маркеров в оформлении корня и окончаний: *lauf(e)/du läufst* (умлаут корневого гласного сильных глаголов/отсутствие умлаута, личные окончания (e)/(e)st). В предложениях со сказуемым в прочих формах лица и числа (за исключением третьего лица единственного числа, заслуживающего особого рассмотрения) употребляются формы, совпадающие с формами презенса индикатива, так что значение цели высказывания создается здесь только с помощью средств синтаксического и просодического уровней.

Рассмотрим предложения, в которых наряду с синтаксическими средствами в создании категориальной формы цели высказывания участвуют морфологические средства – предложения со сказуемым в форме второго лица единственного числа. Какую роль выполняют здесь морфологические средства? Попробуем определить значение императива и соотнесенной с ним формы презенса индикатива (эти формы имеют сходное временное значение; их модальное значение определяется как модальность реальности [3, с. 73]). Наблюдения над функционированием данных форм в современном немецком языке показывают, что обе формы обладают структурной несвободой, то есть являются структурно связанными, закрепленными за структурами побудительного и – соответственно – непобудительных (повествовательного и вопросительного) предложений. Побудительное предложение – односоставное с глаголом-сказуемым на первом месте. Непобудительные предложения обязательно двусоставны и спрягаемая часть сказуемого занимает второе место в предложении. Поэтому

поиски тождественных позиций для проведения эксперимента на замену императива индикативом (или наоборот) с целью выявления их грамматического значения показали, что вне этих синтаксических структур данные глагольные формы употребляться не могут и что рассматриваемые морфологические формы распределены по принципу дополнительной дистрибуции. Сравнивая императивное и индикативное предложения, можно заметить, что если, например, грамматически правильно индикативное предложение, то сопоставляемое с ним предложение, где императив помещен в тождественную позицию, грамматически не отмечено. И наоборот: при грамматической правильности предложения с императивом грамматически не отмечено сопоставляемое с ним предложение со сказуемым в форме индикатива. Если же оба сопоставляемые предложения обнаруживают отклонения от стандартной синтаксической структуры, то есть обе морфологические формы находятся в нетипичных структурах, то, как правило, одно из предложений более узуально, в то время как другое – на грани грамматической правильности. Не было обнаружено ни одной позиции, в которой оба сопоставляемых предложения отклонялись бы от нормы в равной степени – всегда какое-либо из них более правильно.

Некоторые данные анализа все же позволяют предположить наличие у исследуемых морфологических форм значения в плане цели высказывания. Во-первых, взятая вне контекста форма индикатива *gehst* четко передает значение непобудительности. Во-вторых, при помещении исследуемых форм в нетипичную синтаксическую структуру они, благодаря своему значению, характеризуют предложение по целеустановке. Учитывая это, можно утверждать, что значение морфологических форм совпадает со значением соответствующей синтаксической формы: форма императива дублирует значение побудительного предложения, а форма индикатива – значение непобудительных предложений. Доказательством несамостоятельного, отраженного характера значения цели высказывания у данных морфологических форм служит их структурная связанность, а также тот факт, что в предложениях со сказуемым во всех других личных формах данное синтаксическое значение выражается только с помощью средств синтаксического и просодического уровней [3, с. 49]. Следовательно, наличие морфологических средств для выражения значения цели высказывания в современном немецком языке не является обязательным. Распределение форм по признаку дополнительной дистрибуции не может служить основанием для признания между ними отсутствия отношения оппозиции. Как указывал Р. Якобсон в полемике о значении падежей русского языка «значение грамматической формы наиболее четко выступает в тех контекстах, где возможен выбор между двумя взаимно противопоставленными категориями, но оно остается в силе и там, где выбор всецело предопределен контекстом, и идея нейтрализации грамматических значений в таких контекстах представляется мне механическим и неоправданным перенесением фонологических критериев в область грамматики» [4, с. 182]. Поскольку отраженные значения форм императива и индикатива *geh/gehst* взаимно противопоставлены, можно предположить наличие между данными морфологическими формами оппозиции по признаку «побудительность/непобудительность», лежащей в основе соответствующей морфологической категории.

Морфологическая отраженная категория побудительности/непобудительности, или категория волеизъявления, имеет ограниченную значимость на морфологическом уровне, где она подчинена глагольным категориям наклонения, времени, числа и лица. Ее основная сфера действия – на синтаксическом уровне, где она выступает как одно из средств создания категориальной формы побудительного и непобудительных предложений со сказуемым в форме второго лица единственного числа. Вследствие синтаксической связанности этой категории не представляется возможным определить, какое из средств – морфологическое или синтаксическое – обладает здесь большей функциональной нагрузкой.

Если в стандартных синтаксических структурах роль отраженной морфологической категории волеизъявления сводится в основном к дублированию значения, выражаемого с помощью синтаксических и просодических средств (избыточная характеристика – *Übercharakterisierung*), то в предложениях с отклонениями от стандартной структуры эта категория выполняет несколько иную роль. Здесь она как бы восстанавливает из контекста недостающие элементы, сохраняя значение синтаксической формы. Например, императив, помещенный в двусоставное предложение с порядком слов повествовательной целеустановки, выражает значение побудительности и характеризует предложение как побудительное:

Holt rief: «Gilbert, nun *sorg* du doch endlich mal für Ruhe!» (D. Noll).

Следует отметить необычный характер данного предложения, его принадлежность к разговорному стилю речи и эмоциональную окраску. Подобные императивные предложения возможны при повторении приказа.

Более распространены в разговорном стиле речи двусоставные императивные предложения с глаголом-сказуемым на первом месте:

Übernimm du den Vorsitz. Ich werde aus Horbeck verschwinden (H. Sakowski).

Постпозитивное употребление личного местоимения при форме императива функционально нагружено: оно имеет место при особом выделении адресата – исполнителя действия, а также при выражении некоторых эмоционально-экспрессивных оттенков (совет, просьба или, напротив, категоричный приказ) [5, с. 548].

Императивные предложения со сказуемым на втором месте довольно необычны и употребляются в редких случаях – когда слово, выдвигаемое на первое место в предложении, должно быть логически выделено или когда речь идет о ранее упоминавшемся предмете [5, с. 907]. Подобные императивные предложения характеризуются эмфазой:

Das nächste Mal *nimm* mich mit (Chr. Wolf).

Структурно связанная форма второго лица единственного числа индикатива также обладает большими возможностями для функционирования в нестандартных синтаксических структурах. Так, форма индикатива выражает значение непобудительности даже в контексте, типичном для побудительного предложения – односоставном предложении с препозицией глагола-сказуемого:

Holst dir 'ne Lungenentzündung an den Hals (E. Neutsch).

Такое употребление формы индикатива также ограничено рамками разговорного стиля речи, где наблюдается его относительно высокая частотность

именно во втором лице единственного числа. Объясняется это, по-видимому, четкостью глагольной формы, по сравнению, например, с предложениями со сказуемым в форме второго лица множественного числа, где местоимение-подлежащее опускается крайне редко. Таким образом, отраженная морфологическая категория волеизъявления берет на себя функцию выражения значения цели высказывания в контексте, где синтаксические средства не только не маркируют это значение, но выражают противоположное значение.

Рассмотренные случаи синтагматической модификации синтаксических форм, по-видимому, следует отнести к явлению синтаксической вариантности. Хотя некоторые авторы синтаксическую вариантность усматривают лишь на уровне словосочетаний [6, с. 37], все же данное явление вполне удовлетворяет критериям синтаксических вариантов: «Признаки синтаксических вариантов: 1) тождество грамматического значения и грамматической модели, 2) материальное совпадение компонентов сочетания. ... Если же распределение грамматических связей и общее значение конструкции оказывается идентичным, то можно говорить о синтаксических вариантах» [6, с. 38–39]. Для данного случая, когда различия в плане формы связаны с различиями в плане содержания, применимы термины «значимые варианты» (Е.И. Шендельс), «неполные варианты» (Н.Н. Семенюк), «частичные дублеты» (С.Б. Гринберг). Рассматриваемые синтаксические варианты имеют также различную сферу употребления: стандартные структуры принадлежат литературному языку, в то время как их синтагматические модификации – разговорному стилю речи. В работах, посвященных коммуникативному синтаксису немецкого языка, отмечается, что подобные модификации синтаксических форм не являются ошибками, возникающими в беглой неподготовленной разговорной речи, а входят в инвентарь ее стилистических средств [7, с. 45; 8, с. 40; 9, с. 112].

Явление вариантности форм предложения следует отграничить от явления синтаксической транспозиции, от употребления синтаксических форм в переносном значении в косвенных речевых актах, например, когда повествовательное предложение выполняет функцию побудительного:

«Morgen *bleibst* du zu Hause. Dein Vater kommt» (M. Schulz).

Условия транспозиции: интонация побуждения, лексические переключатели (обстоятельства времени: *sofort, gleich, jetzt, umgehend*; модально-побудительные частицы: *mal, einmal, nun mal*; обстоятельства образа действия: *am besten, lieber mal*), а также общий контекст. Стилистический эффект транспозиции обуславливается тем, что значение непобудительности, выражаемое структурой предложения и глагольной формой, не исчезает, поэтому побуждение имеет вид констатации факта: действие, к которому побуждается адресат, представлено как уже совершенное. Отсюда и значение безапелляционности, категоричности данного высказывания. Вместе с переносом значения синтаксической формы происходит перенос отраженного значения синтаксически связанной морфологической формы. Это транспозиция на двух уровнях – интересное явление, наблюдаемое при сказуемом в форме второго лица единственного числа.

Роль глагольной формы при синтаксической транспозиции – дублирование значения, выраженного синтаксическими средствами, дополнительная характе-

ристика исходной синтаксической формы, транспонируемой в область функций ее противочлена. Некоторый дополнительный стилистический эффект при транспозиции форм индикатива в область функций императива возникает вследствие различного характера временного значения форм: индикатив благодаря своей четкой временной соотнесенности более конкретно характеризует временную ориентацию побудительного предложения.

Вопросительные предложения в функции побудительного выражают некатегоричное побуждение, вежливую просьбу. Как показывают наблюдения, они употребляются чаще, чем предложения с императивом. Часто в них употребляются модальные глаголы в индикативе или конъюнктиве:

Hilfst du mir mal? Kannst du mir bitte helfen? Würdest du mir bitte helfen?

Но если транспозиция происходит с помощью интонаемы побуждения, то стилистический эффект иной (его создает взаимодействие значения индикатива – «непобудительность», значения структуры предложения – непосредственная направленность на адресата, апеллятивность и значения интонаемы побуждения) – это категоричное, резкое распоряжение, требующее немедленного выполнения:

...dann ruft sie energisch ins Kinderzimmer: «Tom, *kommst* du nun endlich!» (J. Specht).

Что же касается транспозиции императивных предложений в область функций непобудительных, то в современном немецком языке такая транспозиция не наблюдается. Употребление императива в конструкциях с условно-следственным значением (*Klopf an, dann wird dir aufgetan*), на наш взгляд, не может рассматриваться как транспозиция императива в область функций индикатива, поскольку, во-первых, императив не приобретает здесь значения непобудительности, а его значение лишь несколько модифицируется в значение условия; во-вторых, данные предложения не являются придаточными, а сохраняют свою автономность – это доказывает структура второй части конструкции, имеющая порядок слов самостоятельного предложения, а также средства синтаксической связи: сочинительные союзы и наречия.

Возможности отраженной морфологической категории волеизъявления в области экспрессивного синтаксиса не ограничиваются только ее участием в транспозиции стандартных структур или же образованием синтаксических вариантов. Большое количество дополнительных стилистических оттенков возникает при транспозиции нестандартных структур. Так, индикативные одноставные предложения могут употребляться в функции побудительных:

Anton (zur Mutter): *Gibst* mal das Buch her (H. Baierl).

Опущение подлежащего, выраженного личным местоимением и занимающего первое место в предложении, – особенность разговорной речи. Этот стилистический оттенок некоторой сниженности, фамильярности взаимодействует со стилистическим значением, возникающим в результате транспозиции значения непобудительности в сферу функций побудительного предложения – предложение воспринимается как резкий, нетерпеливый приказ-окрик. Как видно, стилистический эффект этой транспозиции значительно обогащается за счет значений, обусловленных синтагматическими модификациями стандартной повествовательной структуры.

Роль отраженной морфологической категории волеизъявления на синтаксическом уровне можно лучше понять на фоне синтаксических форм, лишенных такого морфологического средства. Во множественном числе во всех коммуникативных типах предложения используются формы индикатива [5, с. 907]. Значение категории цели высказывания выражается здесь только с помощью средств синтаксического и просодического уровней. Как показывают наблюдения, эти предложения обладают такими же возможностями для транспозиции, как и предложения с формой императива: те же условия и такой же стилистический эффект, что и при транспозиции предложений со сказуемым в форме второго лица единственного числа. Транспозиция здесь происходит только на синтаксическом уровне. Возможность осуществления транспозиции внутри синтаксической категории цели высказывания без участия морфологической категории побудительности/непобудительности еще раз доказывает избыточный характер последней. Что же касается возможностей для синтагматических модификаций синтаксических форм, то здесь они весьма ограничены. В предложениях со сказуемым в форме второго лица множественного числа, где значение цели высказывания выражается с помощью порядка слов, интонации и состава предложения (побудительные односоставны, непобудительные – двусоставны), это повествовательные предложения с инверсией глагола-сказуемого, выражающие эмоциональную оценку:

Geht ihr aber 'ran.

Следует отметить, что без элементов *aber*, *doch*, *ja*, *ja doch* и соответствующей эмфатической интонации подобные предложения не употребительны.

Двусоставные побудительные предложения во втором лице множественного числа возможны, хотя и встречаются крайне редко:

Geht ihr weg! Jetzt geht ihr aber weg!

Стилистический эффект тот же, что и в побудительных предложениях со сказуемым во втором лице единственного числа: выделение адресата или выражение каких-то эмоционально-экспрессивных оттенков значения.

Практически никаких возможностей для синтагматических модификаций парадигматической формы не имеют предложения, где эта форма создается только одним или двумя средствами, например, интонацией и порядком слов. Это предложения со сказуемым в форме первого лица множественного числа и в форме вежливого обращения (третье лицо множественного числа). Отклонения от стандартной структуры в использовании порядка слов превращают побудительное предложение в повествовательное (и наоборот), а отклонения, затрагивающие состав предложения, делают его грамматически неотмеченным. Таким образом, чем меньше средств участвует в создании какой-либо синтаксической формы, тем меньше у нее возможностей для выражения экспрессивных оттенков значения.

Вопрос о системном статусе императива с давних пор принадлежит к числу дискуссионных в языкознании, и причина разногласий – в двойственной природе императива: является ли он одним из наклонений глагола или же принадлежит синтаксической категории цели высказывания? Структурная связанность морфологических форм категории волеизъявления в немецком языке (второе лицо единственного числа императива и презенс индикатива) не препятствует

признанию наличия между ними отношения оппозиции. Свои функциональные возможности эта морфологическая категория раскрывает в полной мере в сфере экспрессивного синтаксиса. Структурная несвобода этих морфологических форм становится источником разнообразных семантико-стилистических оттенков: преодоление структурных ограничений при употреблении форм в нетипичном контексте создает эффект непринужденности, стилистической сниженности, повышенной эмоциональности, обогащая инвентарь выразительных средств немецкого языка.

Summary

L.B. Volkova. Reflected morphological category of command in the system of expressive syntax in the modern German language.

The article deals with the paradigmatic significance of the imperative on the morphological level in the modern German language. It introduces the functioning of the reflected morphological category of command as a part of syntactical forms of the category of aim of utterance.

Литература

1. *Москальская О.И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). – М.: Высш. шк., 1974. – 156 с.
2. *Норк О.А.* К вопросу о синтаксической функции интонации // Тез. докл. на межвузовской Всесоюзной конф. «Система языка и развитие навыков устной речи». – Минск, 1964. – С. 294–301.
3. *Ермолаева Л.С.* Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. – М.: Высш. шк., 1987. – 128 с.
4. *Jakobson R.* Selected Writings. II. Word and Language. –Paris, Mouton: The Hague, 1971. – 342 p.
5. Duden. Die Grammatik / Hrsg. von der Dudenredaktion. – Mannheim, 2005. – 1343 S.
6. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
7. *Девкин В.Д.* Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. – М.: Высш. шк., 1981. – 160 с.
8. *Михайлов Л.М.* Грамматика немецкой диалогической речи. – М.: Высш. шк., 1986. – 110 с.
9. *Кострова О.А.* Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. – М.: Флинта: Моск. психолого-социальный ин-т, 2004. – 240 с.

Поступила в редакцию
14.02.06

Волкова Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского государственного университета.